

ИСТОРИЯ

УДК 39:316.7

ББК 63.5

С 64

А.В. Сопов,

кандидат исторических наук, доцент Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, e-mail:avsopov@front.ru.

А.Ш. Бузаров,

доктор исторических наук, профессор Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел. 57-13-24

Место и роль казачества в общероссийских культурно-этнических процессах (Рецензирована)

Аннотация. Актуальность выдвинутой темы исследования обусловливается особенностями формирования российского государства и русской нации. Несомненно, серьезную роль в обозначенном процессе играло казачество. Основные цели и задачи работы предполагают исследование степени участия казаков в формировании Российского государства, а также роли казаков в процессе становления русской нации. В качестве задачи разрешается проблема соотношения казаков и русских. Являются ли казаки субэтнотом русского народа, и если являются, то в какую историческую эпоху и в связи с чем это произошло. Объектом исследования является казачество как исторический феномен. Предметом исследования — этно-культурные и исторические взаимосвязи казачества и русского государства. Краткие выводы: Казаки — это первопроходцы, открыватели и покорители провинций. Они играли роль «форпоста», неся пограничную службу, обороняя и сохраняя целостность России как государства, территории и цивилизации.

Ключевые слова: Казаки, казачество, субэтнос, фронтир, этно-культурные отношения, колонизация, регионогенез, культурно-историческая общность, контактная зона, культурный билингвизм.

A.V. Sopov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Maikop State University of Technology, Maikop, e-mail: avsopov@front.ru.

A.Sh. Buzarov,

Doctor of Historical Sciences, Professor of Adyghe State University, Maikop.

Place and role of Cossacks in the Russian cultural-ethnic processes

Abstract. The urgency of this study is caused by features of formation of the Russian state and Russian nation. Undoubtedly, serious role in the designated process was played by the Cossacks. The work is aimed at elucidation of degree of Cossacks' participation in formation of the Russian state and their role in formation of Russian nation. One of the problems is a parity of Cossacks and Russian. The authors reveal whether or not Cossacks are

a subethnos of Russian people, and if they are, in what historical epoch and why this has occurred. The authors study the Cossacks as a historical phenomenon. A subject of research includes ethno-cultural and historical interrelations of the Cossacks and Russian state. It is inferred that Cossacks are trailblazers, openers and subjugators of provinces. They played “an advanced post” role, bearing a frontier service, defending and keeping integrity of Russia as the state, territory and civilization.

Keywords: Cossacks, the Cossacks, subethnos, frontier, ethno-cultural relations, colonization, regional genesis, a cultural-historical community, a contact zone, a cultural bilingualism.

Одной из важнейших особенностей формирования российского государства и русской нации был «военный централизм». Так перефразируя В.О. Ключевского [1], можно определить специфику русской традиции, начиная с появления на исторической карте Великого княжества Московского. Несмотря на жесткую централизацию не только государственного аппарата, но и всего строя общественной жизни (а может быть и благодаря этой централизации) Русское государство имело постоянную тенденцию расширения как в территориальной сфере, захватывая и осваивая все новые территории, так и в социальной – распространяя свое влияние на частную и общественную жизнь.

Несомненно, серьезную роль в обозначенном процессе играло казачество. Весь жизненный цикл казачества – от зарождения до фактического растворения в строе русской жизни – как нельзя лучше иллюстрирует процессы формирования государства российского и русской нации. «Казачи – сторожа и завоеватели окраин» [2]. Такое определение давал крупнейший историк казачества Ф. Щербина.

Казачество начало формироваться как разбойно-промысловая вольница, независимая и своеобразная. Этнические характеристики «предказачества» и раннего казачества, как это доказано в работах авторов [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9], не вполне совпадают с русскими. Взаимоотношения казаков с русскими складывались весьма своеобразно. Достаточно сказать, что все крупнейшие народные восстания (т.н. крестьянские войны) в России происходили при деятельнейшем участии казаков и под руководством их вождей: И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачева. Громадна и противоречива роль казачества в период «Русской Смуты» начала XVII в. Казачьи атаманы: шляхтич И. Заруцкий и князь Г. Трубецкой участвовали в борьбе за верховную власть. Решающим оказался голос казачьих старшин при выборах нового царя. Все же расклад сил оказался таким, что в результате подавления упомянутых восстаний и ряда других событий (разгром Запорожской Сечи, подавления бунтов яицких казаков) казачья вольница оказалась уничтожена.

Начиная с XVI в. казаки, безусловно, участвовали в русской народной колонизации окраин (здесь факты неоспоримы). Однако, и это надо обязательно учитывать, «исторические» казаки (то есть насельники Подонья и Приазовья), в отличие от русских не воспринимали «Дикое Поле»¹ как пустое. Оно было для них наполнено враждебной силой, которую надо не интериоризировать внутри себя (своей общины), как это делали русские, а которой необходимо сопротивляться и ее надо использовать. Кроме того, хотя это, пожалуй, и не так очевидно, казаки именно *участвовали* в русской народной колонизации, но не осуществляли ее наравне с русскими, так как привлекались к ней либо частными лицами (Строгановы), либо русским государством. Симптоматично, что, например, первыми сибирскими

¹ Историческое название неразграниченных и слабозаселенных причерноморских и приазовских южнорусских степей.

землепроходцами были именно казаки: Ермак, С. Дежнев, Е. Хабаров, В. Поярков, а уже в открытые ими земли устремлялась волна русских колонистов.

Ментальное поведение русских, в отличие от казаков, постоянно воспроизводит одну и ту же историческую драму. Бегство от государства, вольная общинная колонизация новых земель, закрепление государственной власти на вновь приобретенных землях (так сказать восстановление «статус-кво» на новом уровне) и снова – бегство от государства и т.д. Или как вариант: бегство народа от государства – возвращение беглых вновь под государственную юрисдикцию – государственная колонизация новоприобретенных земель. Примечательно, что вольная народная колонизация русских воспринимала все заселяемые земли как «пустые», даже если они были довольно густо заселены. Русские переселенцы не просто обосновывались на новом месте, но воспроизводили с максимальной точностью весь свой жизненный уклад, практически не сообразуясь с внешними условиями. Они как бы приносили с собой свою Россию, «Святую Русь». Для русских любая территория, где они живут общиной, является Россией [10; 11; 12; 13].

Нельзя не заметить, что современный этап развития российского общества, характеризующийся резким повышением национального самосознания народов, сепаратизмом, созданием собственных «мифических историй», выдвигает в числе первоочередных задач объективное освещение прошлого, реалистический анализ сегодняшних событий. В контексте всеобщего «этнического возрождения» социально значимым в общественной жизни стало такое явление, как возрождение казачества. Необходимо иметь в виду и следующее – в современных условиях «казачий вопрос» часто выступает как часть «русского вопроса». «Невозможно не только практически решить, но даже подойти к проблемам межнациональных отношений, не осознав, что основная среди них – русский вопрос» [14]. Этническая, географическая, цивилизационная мозаичность России, неоднозначность явлений и процессов «включения» в состав Российского государства различных территорий и этносов только прибавляет злободневности исследованиям, подобным предложенному вашему вниманию.

Прежде чем представить окончательные выводы необходимо отметить, что на данном уровне знаний и при нынешнем состоянии источников это возможно только методом «последовательных приближений». Авторы заранее благодарны за любые поправки и замечания. Как встречается у древнерусских книжников: «... *аще где в книге сей грубостию моей пропись или небрежением писано, молю вас: не зазрите моему окаянству, не кляните, но поправьте, писал бо не ангел божий, но человек грешен и зело исполнен неведения*».

В российской и иностранной этнологической и исторической литературе до сих пор отсутствует единство мнений по вопросам об оценке характера «казачества», его этнической специфичности, о его происхождении, оценки роли и участия в формировании Русского государства и русской нации, а также перспективах дальнейшего развития. В общественном мнении господствующими являются два полярных взгляда на происхождение казачества. Первый из них может быть назван «казенным» [15] и возводит казачество к вольнице беглецов из русских земель в «Дикое Поле». Бежавшие от феодальной эксплуатации в Степь «искатели воли» (в основном, крестьяне и холопы) и создали, по мнению авторов этой теории, к середине XVI в. особую организацию – «казачество», постоянно подпитываемую новыми потоками переселенцев из Центральной и Западной России. Данная точка зрения, окончательно сформировавшаяся в советское время, доминирует в представлениях большинства неказачьего населения и закрепились в общественном сознании десятилетиями школьного преподавания. В данном случае казачество рассматривается

как безусловно русская (или украинская) по происхождению группа населения, в ходе особых условий существования (пограничье, постоянные войны и набеги) выработавшая специфические черты: особую военную организацию, уклад, общинный быт.

Вторая точка зрения, приверженцами которой являются, в первую очередь, представители «вольноказачьего движения»² и так называемой «казачьей науки»³ [16; 17], считает казаков особой национальностью (этносом), возникшим еще в античную эпоху от смешения туранских, скифских, меото-славянских, аланских и прочих племен с торжеством среди них славянской речи [16]. Подобная трактовка казачьей этнической истории позволяет обосновать обособленность казаков от остального русского населения, объяснить их национальную самоидентификацию и культурно-бытовое своеобразие.

О роли казаков в общерусских и общероссийских процессах написано немало, начиная от трудов Н.М. Карамзина [18] и заканчивая советскими исследованиями в области социальной борьбы крестьянства, где казачество изображается его цементирующей силой [19]. Однако нет обобщающих трудов, непосредственно посвященных обозначенной нами проблеме, месту и роли казачества в процессе формирования русского государства. Нет также исследований, рассматривающих процессы взаимоотношений России и казачества с этнической, можно сказать также, этнологической точки зрения.

Место и роль казачества в истории России во многом определялась тем, что именно оно стало той основной силой, на которую Российское государство опиралось при оформлении своих геополитических границ на юге и проводило гибкую религиозную и социальную политику. Это предопределило сильные «охранительные» и «державные» ментальные ориентиры казачества. В массовом сознании казаков глубоко укоренился миф границы. Граница стала почти сакральным понятием, что нашло отражение в фольклоре казаков. Но вместе с тем, в пограничных зонах, как показывают исторические источники, наблюдалась тенденция образования устойчивой казачьей государственности, не получившей завершения в силу объективных причин. В первую очередь подобная тенденция прослеживалась в Войсках Донском и Запорожском, гребенское казачество⁴ такой силы сплоченности не имело, а терское и кубанское формировались уже под опекой государства. Но, даже став подданными Москвы, казаки сохраняли основные принципы внутреннего самоуправления. А если учесть, что государство номинально сделало казаков собственниками войсковых территорий, а само казачество представляло хорошо организованную военную силу, отдаленную от центра, находящуюся в иноэтничном окружении, то роль южных пограничных зон власть недооценить не могла и в соответствии с этим строила свои отношения с казачьими регионами.

² Группа известных донских и кубанских казачьих общественных, военных деятелей и публицистов второй половины 1920-х гг. XX в. (И. Билый, И. Быкадоров, Т. Стариков, М. Фролов и др.), провозгласившие своей целью создание независимого федеративного государства Казакии на основе идеологии казачьего национализма.

³ Группа историков-дилетантов (Г. Губарев, А. Скрылов и др.), убежденная в том, что казаки ведут свое начало от особых национальных корней и потому имеют естественное право не только на самостоятельное культурное развитие, но и на политическую независимость в стране.

⁴ Первые казаки-поселенцы на Тереке. Получили такое название, потому что в первой половине XVI в. расселились на склонах Терского хребта. В XVIII в. гребенцы вошли в Терское казачье войско.

Согласно геополитическим идеям Ф. Ратцеля, «граница это периферийный орган государства, в котором проявляются его рост, сила или слабость и все изменения в организме государства. Сильное государство то, которое в состоянии поддерживать тесные связи между своими пограничными зонами и сердцевиной. Любая тенденция к ослаблению этого взаимодействия неизбежно ослабит государство и приведет к потере пограничной зоны, которая может провозгласить независимость от центра или присоединиться к соседнему государству. Казачество сыграло свою решающую роль в определении выбора большинства народов Северного Кавказа в пользу России. Формирование южных границ нельзя рассматривать только с позиций имперско-колониальной политики царизма, новые возможности для осмысления сложных процессов взаимодействия дадут исследования в терминах концепции диалога двух социокультурных систем: российской и северокавказской. При таком подходе «граница» рассматривается не как «барьер», а как «контактная зона», порождающая важнейший для общественного развития «культурный билингвизм» [20], которая и стала пограничной линией, населенной казаками. Диалог культур и обмен импульсами приводил к состоянию, которое можно назвать адаптацией.

Таким образом, нами предлагается выделять три последовательно сменявших друг друга стадии регионогенеза. Первая завершилась территориальным объединением, которую можно отнести ко второй половине XVIII в., когда политико-географическое «поглощение» Российской империей степного Предкавказья в основном оказалось завершено, и система расселения южно-российского казачества в своих общих параметрах сформирована. Последним аккордом данного периода стало переселение запорожцев (1783 г.) и казачьего войска с Буга (1793 г.) на Кубань, где в итоге появились не только соответствующие войсковые структуры, но и сложилась своеобразная в социокультурном отношении самостоятельная субрегиональная общность. Завершение Кавказской войны хронологически совпало с экономической реструктуризацией России, а с позиций становления Юга России вся дальнейшая его траектория органично укладывается в единый этап региональной интеграции. Доминантным для нее вектором регионогенеза стало соразвитие этнических и территориальных структур, которые предопределялись взаимообусловленными тенденциями – русификацией и кавказизацией.

На наш взгляд, главным этнообразующим конфликтом для казаков является конвергенция самых различных этнических и социальных ингредиентов при сохраняющейся единой военно-хозяйственной организации, а также постоянная подпитка все новыми и новыми группами пришельцев, этнический и социальный облик которых также весьма различен. По мнению авторов, однозначный ответ о происхождении и современном этническом облике казаков невозможен. Подобный ответ требует редуцировать понимание сложного процесса этнического становления до восприятия его как закосневшего состояния, что является не только упрощением, но попросту, не соответствует действительности.

Применительно к определению специфики казачества авторы исходят из того, что по своему онтологическому статусу это не просто культурно-историческая общность, а прежде всего этническое образование, поскольку оно устойчивым образом связано с определенной территорией, на которой возникло и получило дальнейшее развитие, обладает традиционно сложившимися устоями осуществления власти, имеет отличительные особенности материальной и духовной культуры.

Роль казачества в отношении России и русских в разные периоды была неодинаковой. Характерные черты *первого периода* (IX-XVI вв.) взаимоотношений казаков и русских, казачества и России трудно поддаются трактовке, т.к. не было еще единого казачества. Можно только более или менее определенно говорить о

неоднозначности и подчиненном характере этой роли. В основном она носила характер охраны казаками границ Российского государства и этнической территории русских, наемной военной службы казаков русским государям. Также казачество играло роль своеобразного «адсорбента» беспокойных, пассионарных элементов русского народа.

Второй период (конец XVI - начало XVIII вв.) взаимоотношений казачества и России с полным основанием можно назвать «смутным». Казаки в это время играли, в основном, роль смутьянов. Они активно вмешиваются в устои и ход русской жизни, заявляют свои права на «место под «русским» солнцем». (И. Болотников, И. Заруцкий, И. Лукьянов, А. Межаков, С. Разин, К. Булавин, Е. Пугачев). Самоощущение казаков в этот период явно двойственное: с одной стороны, они воспринимают себя как относительно внешнюю силу, с другой стороны – «не чувствовали бы себя русскими, не ходили бы на Москву стоять за волю, за веру и за государя-батюшку» [21].

Периодом борьбы по принципу «кто-кого» является *третий период* (начало XVIII – первая половина XIX вв.). Он характерен чередованием разгромов казачьей вольницы русскими регулярными войсками с подкупом и привлечением казаков на «государеву службу». Как важный элемент российской государственной политики такая тактика существовала и раньше, но лишь теперь вышла на первый план.

Четвертый период (вторая половина XIX – начало XX вв.) – это период «вольной» службы, когда Российское государство создает (и создало) из казаков военно-служилое полупривилегированное сословие. Сами казаки ощущают себя верноподданными, «наихристианнейшими палачинами», «щитом Европы». В фольклорной памяти казаков это время счастливого «светлого прошлого», рай земной, к которому необходимо вернуться.

Самым трагичным в истории взаимоотношений казачества и российской власти был *пятый период* (1917 – 1937 гг.). Это время «расказачивания», разгрома и физического истребления казаков. Шаблонно-«научное» мышление большевиков не терпело разнообразия и своеобразия. Да и объективная поддержка казаками проигравшего в войне белого движения сыграла свою роль. Казалось, даже память о казаках была уничтожена.

Шестой период во взаимоотношениях казачества и российского государства четко вплетен в контекст исторических событий. Во время Великой Отечественной войны боевые навыки казаков и их умение самоорганизовываться снова оказались востребованы государством. На Дону и Кубани формировались «казачьи» воинские части. Однако доля природных казаков составляла в них едва ли половину, да и идеологические послабления власти носили временный и вынужденный характер. Закончилась война, кончилось и лояльное отношение режима к казакам.

Весь послевоенный *седьмой период*, вплоть до 90-х гг. XX в., казачество однозначно определялось как этнографическая группа южных русских. Своеобразие казаков позволялось лишь в фольклорной сфере. Военная самобытность и трагические страницы истории казачества замалчивались.

Выделение *восьмого периода* (1991 – 2000 гг.) – периода возрождения казачества сейчас уже не выглядит чем-то новаторским. Однако необходимо сказать, что, несмотря на «возрождение», казачество уже никогда не будет таким, каким оно было во времена «светлого прошлого». Не те времена, не те люди, не те задачи и обстоятельства.

Обобщая и анализируя все вышесказанное, необходимо остановиться на гипотезе сложного и незавершившегося пути формирования казачества как этнической общности, когда на разных стадиях формирования этноса участвовали и преобладали различные элементы. Эту версию разделяют и пропагандируют авторы [22]. Исследуя, кто такие казаки, как и от кого они произошли, можно разобраться с вопросом роли

казачества в формировании русской нации и российского государства. Сначала необходимо уяснить роль казачества и его «место» в судьбе России.

Во-первых, казаки играли роль «форпоста», неся пограничную службу, обороняя и сохраняя целостность России как государства, территории и цивилизации. Во-вторых, они – первопроходцы, открыватели и покорители провинций, за которыми шел основной элемент русской нации. В-третьих, казаки, безусловно, выполняли роль своеобразной «губки» или мембраны, через которую в «плоть и кровь» русской нации попадали новые элементы: люди, идеи, ценности, стереотипы и мотивы поведения.

Возвращение в прошлое, даже светлое, невозможно. Но мы убеждены, что у казачества есть будущее. К сожалению, война и насилие до сих пор остаются способами реализации политических целей, а значит, место воинственному характеру казака еще найдется. Есть смысл использовать этот характер цивилизованно. Смогли же американцы для сохранения традиций своих «синих» драгун сделать из них вертолетную авиацию (своеобразную кавалерию нашего времени). Думается, параллели здесь как нельзя более уместны.

Примечания:

1. Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб., 1904. 1445 с.
2. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска: в 2 т. Екатеринодар, б/и, 1910-1913. 1548 с.
3. Сопов А.В. К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5 (32). С. 58-61.
4. Сопов А.В. К вопросу о происхождении казачества // Проблемы развития казачьей культуры. Майкоп: Гранит, 1997. С. 17-20.
5. Сопов А.В. Казачества единый корень? // Родина. 2010. № 6. С. 30-33.
6. Сопов А.В. Некоторые особенности ментальности казаков // Менталитет россиянина: история проблемы: материалы 17 Всерос. науч. конф. СПб., 2000. С. 153-155.
7. Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. Вып. 4. С. 66-86.
8. Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение. Майкоп: Изд-во МГТУ, 2006. 148 с.
9. Сопов А.В. Становление казачества // Проблемы изучения и пропаганды казачьей культуры. Майкоп, 2000. С. 14-23.
10. Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 75 с.
11. Марков Е. Россия в Средней Азии. СПб., 1901. 139 с.
12. Чарушин А. Переселение в бытовом его отношении // Беседа. 1906. № 9. С. 11-18.
13. Шавров Н. Русская колонизация на Кавказе // Вопросы колонизации. 1911. Т. 8. С. 34-46.
14. Абдулатипов Р. Федеративный договор и перспективы развития межнациональных отношений // Этнополис. 1993. № 1. С. 14.
15. Яковенко И.Г. Подвижен, отчаян и храбр // Родина. 1995. № 10. С. 69-73.
16. Казачий словарь-справочник / сост. Г.В. Губарев; ред. изд. А.И. Скрылов. Сан Ансельмо, 1968. 1138 с.
17. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. V. Гл. IV. СПб., 1842. 287 с.
18. Савельев Е.П. Казаки. История. Владикавказ, 1991. 442 с.
19. Станиславский А. Казачье движение 1615-1618 годов // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 104-106.

20. Битова Е.Г. Изучение социокультурного взаимодействия на Северном Кавказе: диалог центра и периферии в «большом» российском обществе (вопросы методологии) // Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Ростов н/Д, 2000. С. 20.
21. Фирсов Н. Пугачевщина: опыт социально-психологической характеристики. М., 1966. 237 с.
22. Сопов А.В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 229 с.